

УДК 811.161.1'37'42

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2023-64-4-133-145

НАЗВАНИЯ РОДСТВА В ПОЭТИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ

А. С. ПУШКИНА

Ж. В. Марфина

Луганский государственный педагогический университет, Луганск, Россия

В статье проанализированы семантика, стилистика названий родства в художественном субпространстве (на примере словоупотребления данной группы в поэзии А. С. Пушкина). Цель статьи — обобщить функционально-стилевую модификацию названий родства (общую, индивидуально-авторскую) в поэтических текстах А. С. Пушкина, а также смоделировать концептуальные цепочки, где опорными компонентами выступают анализируемые названия.

В основу методики анализа поэтических текстов положено моделирование концептуальных цепочек, в которых центральным «звеном» является название родства. Между элементами концептуальных цепочек установлены стойкие семантические отношения, которые актуализированы посредством означаемых слов (субстантивы, атрибутивы, предикаты и др.), определяющих концептуальную мотивацию названий родства в поэтических текстах А. С. Пушкина. «Раскодировка» данных отношений репрезентует ценностно-аксиологическое наполнение высказывания в целом. Дополнительные знаки (\leftrightarrow , \leftarrow , \rightarrow , $=$) указывают на корреляцию, отождествление, следствие и другие направления семантического взаимодействия составляющих высказывания.

В результате проведенного исследования определены особенности употребления названий родства в поэтическом субпространстве, в частности контекстуальная сочетаемость названий родства, их контекстуальные ассоциативные связи в пушкинских текстах.

Также отмечено сочетание церковнославянских и народно-разговорных, просторечных общеупотребительных форм и их грамматических вариантов, которые отличаются частотой употребления. Семантика и стилистика названий родства в произведениях А. С. Пушкина свидетельствуют об их активной текстовой функции, о художественном «союзе» общеупотребительных и индивидуально-авторских смыслов. Смоделированные концептуальные цепочки демонстрируют устойчивую связь названий родства с эмоционально-психологическим восприятием мира лирического героя через константы культуры (как народной русской, так и мировой), зафиксированные в его сознании. Отмеченные метафоричные сочетания названий родства с названиями других лексико-семантических групп говорят об их ассоциативном потенциале, реализуемом в художественном субпространстве.

Также сделаны выводы о способах актуализации контекстной семантики названий родства, об их функционально-стилистической нагрузке, в т. ч. о выполняемой ими роли связующего звена между «высоким» — «средним» — «низким» в поэтическом субпространстве А. С. Пушкина.

Ключевые слова: названия родства; поэтическое субпространство; поэтизм; концептуальная цепочка; язык А. Пушкина; ассоциативная связь.

Цитирование: Марфина Ж. В. Названия родства в поэтическом словаре А. С. Пушкина // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2023. Вып. 4 (64). С. 133–145. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2023-64-4-133-145.

Kinship Terms in Pushkin’s Poetry

Zhanna V. Marfina

Lugansk State Pedagogical University, Lugansk, Russia

The article analyzes semantics and stylistics of kinship terms within a specific literary subspace, focusing specifically on kinship terms in Alexander S. Pushkin’s poetry. The goal of the article is to examine the functional and stylistic characteristics of kinship terms in Pushkin’s poetic texts as well as to model conceptual chains with kinship terms as their key components. The main methodology of the analysis is based on modeling conceptual chains with kinship term serving as their central “links.” Stable semantic relations are established between the elements of conceptual chains, which are actualized by means of denotative words (substantives, attributives, predicates, etc.) that determine the conceptual motivation of kinship names in Pushkin’s poetic texts. The “decoding” of these relations represents the axiological content of the utterance as a whole. Additional symbols (\leftrightarrow , \leftarrow , \rightarrow , $=$) indicate correlation, identification, consequence and other types of semantic interaction between the constituents of the utterance.

The study shows how kinship terms function in Pushkin’s poetic texts and, in particular, what is the contextual co-occurrence of kinship names and their contextual associative links in this particular poetic subspace. It highlights the combination of Old Church Slavonic and folk-colloquial (or common vernacular) forms and their grammatical variants, which differ in frequency of use. The semantics and stylistics of kinship terms in poetry of A. Pushkin testifies to their active textual function as well as to the literary “fusion” of their common and original meanings. The reconstructed conceptual chains indicate that the lyrical narrator’s emotional and psychological perception of world is closely connected to the constants of both Russian folk culture and world culture. Fixed metaphorical combinations of kinship terms with names from other lexico-semantic groups indicate their strong associative potential. The author also makes a number of conclusions about actualization of contextual semantics of kinship names in Pushkin’s poetry and their functional and stylistic meaning, including their role as a link between “the high,” “the medium,” and “low.”

Key words: kinship terms; poetic subspace; poetic language; concept string; A. Pushkin’s language; associative connection.

Citation: Marfina, Zhanna V. (2023). Kinship Terms in Pushkin’s Poetry. *LUNN Bulletin*, 4 (64), 133–145. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2023-64-4-133-145.

1. Введение

К наиболее значимым направлениям современных лингвистических исследований относится изучение языковых явлений, раскрывающих глубину русской культуры. В связи с этим актуальным считается обращение к языку А. С. Пушкина, которого Ю. М. Лотман назвал «первым писателем, участвующим не только в русском, но и в мировом литературном (и шире — культурном) процессе» (Лотман: электронный ресурс).

Особенностям языка А. С. Пушкина, изучению индивидуально-авторского стиля поэта посвящены работы В. А. Гофмана, Г. О. Винокура, В. В. Виноградова, Л. В. Щербы, Л. А. Булаховского, Ю. М. Лотмана, Д. О. Добровольского, В. Б. Пеньковского, Н. Л. Степанова, Б. П. Городецкого, Е. Ф. Карского, Б. В. Томашевского, И. С. Ильинского, Г. А. Гуковского, Е. Г. Ковалевской, А. В. Хлопьянова, В. Г. Гака, А. Д. Григорьева, Н. В. Ланге, В. В. Макарова и др. В многочисленных исследованиях творческого наследия А. С. Пушкина, в т. ч. особенностей его поэтических произведений, отмечены глубокая народность, богатство, новаторство и демократичность пушкинского языка, в котором произошло гармоничное слияние церковнославянских, европейских элементов с единицами живой народной речи (Гофман 1935; Виноградов 1935; Винокур 1959; Даниленко 2010; Лю 2021;). Одним из проявлений пушкинского стиля можно считать широкое использование лексических средств общенародного языка, среди которых особое место занимают названия родства (далее НР) — один из наиболее многочисленных и широко используемых слоев фонда исконной русской лексики.

Несмотря на то, что изучению языка А. С. Пушкина посвящено значительное количество работ, лишь Е. В. Соловьева рассматривала использование НР в пушкинских прозаических текстах в качестве обращений (Соловьева 2006). На сегодня вне поля исследовательского внимания остаются вопросы модификации стилистической нагрузки, в т. ч. в поэтическом субпространстве, одной из основополагающих и широко употребляемых в повседневной речи лексико-тематических групп. Это и обуславливает научную новизну нашего исследования.

Цель исследования — определить общую и индивидуально-авторскую функционально-стилевую модификацию НР в поэтическом языке А. С. Пушкина, в т. ч. обобщенную в смоделированных концептуальных цепочках.

Актуальность исследования именно НР в поэтическом языке начала XIX века на материале поэтических произведений А. С. Пушкина связываем с отслеживанием тенденций структурно-семантических изменений НР как носителей мифопоэтической, народно-разговорной, народно-обрядовой

и литературной концепций русской картины мира, которые в некоторой степени аккумулируют поэтическое субпространство. В связи с отмеченным ракурсом исследования рассматриваем концептуальную трансформацию содержания НР в художественном тексте как начальный период становления современного русского литературного языка и его словесно-образной парадигмы.

2. Характеристика материала и методов исследования

Материалом исследования стали поэтические тексты А. С. Пушкина (Пушкин 1977–79), в которых зафиксировано словоупотребление НР (и номинативное, и образное).

В основу методики анализа поэтических текстов положено моделирование концептуальных цепочек, в которых ведущим может быть одно или два (концепты одной парадигмы либо отличных лексико-семантических парадигм) понятия, что дает возможность установить типы семантического сопоставления НР с другими понятиями. Из рассматриваемых текстов концептуальные цепочки выделяются с помощью фигурных скобок {}. Внутри функционально-семантических фрагментов высказываний с помощью квадратных скобок [] выделяются семантические секторы, а графические инструменты (↔, ←, →, =) указывают направления семантического взаимодействия составляющих высказывания (корреляция, отождествление, следствие и т. п.).

3. Результаты исследования и их обсуждение

Лексикографические исследования языка А. С. Пушкина (Словарь языка Пушкина: 2000, далее – СЯП; Меньшиков, Мордань, Подмогильная 1999, далее — ПСП) демонстрируют высокую активность использования НР в поэтических текстах писателя, что, безусловно, способствовало преодолению «границ между языком народа и языком книг, сделав русский язык естественным» (Лю 2021: 27). Наиболее употребляемыми в поэтическом наследии писателя являются следующие НР: *брат, дети, дочь, жена, мать, муж, отец, семейство, сестра, сын*.

В поэтических текстах А. С. Пушкина НР наиболее часто контекстуально связаны с эпитетами, характеризующими:

– физическое состояние, качества: *больной* (брат, сын), *играющее* (дитя), *мертвый (-ая)* (сын, мать), *могучий* (сын), *нездоровый* (отец), *слабый* (сын), *стареющий* (отец), *утомленная* (жена), *чахоточный* (отец) и пр. (*В пятый день старший сын обезумел, / Стал глядеть он на мертвую мать / Будто волк на спящую козу*);

– психологическое, эмоциональное, психическое состояние: *блаженный* (отец), *недовольный* (отец), *печальный* (отец), *скорбный* (отец), *счастливая / несчастная* (семья, дочь, мать), *томная* (дочь) и пр. (*Не встретишь завтра поцелуя / Несчастной матери твоей*);

– характер, поведение, способности, морально-этические качества: *балованное* (дитя), *беспечные* (дети), *благопристойные* (мужья), *верная* (сестра, жена), *гордая* (жена), *добрый (-ая)* (отец, семья), *отважный* (сын), *послушная (-ое)* (дочь, дитя), *спесивое* (дитя), *умные* (жёны), *чадолюбивый* (отец) и пр. (*А во-вторых, замечу я, / Благопристойные мужья / Для умных жён необходимы: / При них домашние друзья / Иль чуть заметны, иль незримы*);

– внешность: *белоглавая* (жена), *бледная* (дочь), *дородная* (жена), *курчавый* (брат), *покрытая* (жена), *полная* (жена), *прелестная* (дщерь), *чернобровая* (жена) и пр. (*Где с Анджеликой молодой, / С прелестной дщёрью Галафрона, / Любимой многими — порой / Я знал утеху Купидона*.);

– возраст: *малое* (дитя), *младые* (сыновья), *молодая* (жена), *юная* (жена) и пр. (*Опора милая стареющих отцов, / Младые сыновья, товарищи трудов, / Из хижины родной идут собой умножить / Дворовые толпы измученных рабов*);

– субъективную оценку: *дорогой* (отец), *достойный* (отец), *любимая (-ое) / нелюбимое* (дочь, дитя), *милый (-ая)* (брат, сын, дочь), *чудесный* (отец) и пр. (*Нимфа плод понесла влюбленного бога; / Меж говорливых наяд, мушась, она родила / Милую дочь*);

– степень родства с кем-либо, близость, а также очередность рождения детей в семье: *двоюродный* (брат), *меньший (-ая)* (сын, дочь), *мой* (брат), *моя* (жена), *моё* (детиче), *названный* (брат), *родной (-ая, -ые)* (отец, мать, братцы), *свои* (дети), *старший (-ая)* (брат, сын, дочь), *твой* (отец) и пр. (*Не два дуба рядом выросли, / Жили вместе два братца родные: / Один Павел, а другой Радула*);

– исключительные качества: *великая* (жена), *святой (-ая)* (отец, жена), *чистая* (жена), *чудесный* (отец) и пр. (*Гроза луны, свободы воин, / Покрытый кровию святой, / Чудесный твой отец, преступник и герой, / И ужаса людей, и славы был достоин*).

Авторы ПСП указывают на то, что в описании мужских образов у А. С. Пушкина преобладают характеристики физического и психологического состояния (*уснувший, мертвый, молодой; лукавый, ревнивый, счастливый* и пр.), а для поэтических женских образов наряду с оценкой психологического и физического состояния (*печальная, милая*) также преобладают оценки внешности (*величавая, красная, полная*) (Меньшиков 1999: 47).

В поэтическом употреблении НР часто сопровождают интимизированные эпитеты-местоимения, например: *Ты спишь, дитя, мое мученье, Не знаешь горестей моих — / Откроешь очи и тоскуя / Ко груди не прильнешь моей, / Не встретишь завтра поцелуя / Несчастной матери твоей; И меня братья мои любили, / И мне всякую оказывали милость; Заступник кнута и плети, / О знаменитые князья, / За них жена моя и дети / Вам благодарны, как и я.*

Песенно-романтическое настроение создано поэтом в тексте, где представлена сквозная контекстуальная ассоциативная связь «семья — родина — молитва — свет — вера — дух», что, по нашему мнению, обусловлено наследованием народной традиции сакрализации семьи и рода, представлениями о семье как союзе, благословенном Богом, как оплоте веры. Данная контекстная семантика представлена в концептуальной цепочке {[муж] ↔ [ВЕРА — ДУХ] ↔ [жена]}: *Наконец он на родину воротился / И вошел в церковь святого Спаса. / Там день целый он молился богу, / Горько плача и жалостно рыдая. / Ночью он пришел к себе на дом / И отужинал со своею семьею, / Потом лег и жене своей молвил: / «Посмотри, жена, ты в окошко. / Видишь и церковь Спаса отселе?» <...> Помолившись, он опять ей молвил: / «Посмотри, что ты видишь в окошко?» / И жена, поглядев, отвечала: / «Вижу, вон, малый огонечек / Чуть-чуть брезжит в темноте за рекою». <...> И жена, поглядев, отвечала: / «Вижу я на реке сиянье, / Близится оно к нашему дому». / Бей вздохнул и с постели свалился. / Тут и смерть ему приключилась.*

С родителями как основоположниками семьи / рода связан у А. С. Пушкина мотив благословения и молитвы (концептуальная цепочка {[сын] → [МОЛИТВА : забота] → [отец]}): *В сиянье, в радостном покое, / У трона вечного творца, / С улыбкой он глядит в изгнание земное, / Благословляет мать и молит за отца.*

Часто в ближайшем контекстном употреблении оказываются несколько НР (как правило, они составляют контекстуальные пары), например: **жена — дети** (*Заступник кнута и плети, / О знаменитые князья, / За них жена моя и дети / Вам благодарны, как и я*); **отец — сын** (*Не два волка в овраге грызутся, / Отец с сыном в пещере бранятся*); **муж — жена** (*Смирная, одетая убого, / Но видом величавая жена / Над школою надзор хранила строг; К неверной славе я хладею; / И по привычке лишь одной / Лениво волочусь за нею, / Как муж за гордою женой*); **брат — сестра** (*Сестра брату с плачем отвечает: / «Не я, братец, клянусь тебе жизнью, / Клянусь жизнью твоей и моею!»*) и др.

Язык произведений А. С. Пушкина отражает и образное употребление НР. Так, в одних случаях контекстная семантика НР уточняется с помощью

ближайшего словоупотребления, например НР «отец», т. е. ‘старший; наставник’ {[отец] = [царь]}): *Тебе, наш храбрый царь, хвала, благодаренье! <...> / Мы вняли клятве сей; и гордые сердца / В восторге пламенном летели вслед отца / И мстью роковой горели и дрожали; / И россы пред врагом твердыней грозной стали!* В эпических произведениях Пушкина довольно распространено определение «отец» в номинации ‘царь’: *День и ночь так долгожданный, / Из далеча наконец Воротился царь-отец; «Кабы я была царица, — Третья молвила сестрица, — Я б для батюшки-царя Родила богатыря»; В сени вышел царь-отец. Все пустились во дворец; Вот однажды царь Дадон Страшным шумом пробуждён: «Царь ты наш! отец народа! — Возглашает воевода.*

Словосочетание «век отца» является символом времени, эпохи, предыстории чьей-либо жизни, достойной уважения потомков ({[прошлое] ← [ОТЕЦ] / уважение / [ДОЧЬ] ← [прошлое]}): <...> *Таков был: сумрачный, ужасный до конца. / Но ты, прекрасная, ты бурный век отца / Смиренной жизнью пред небом искупила.*

В большинстве случаев поэтического употребления НР являются средством указания на некоторое соответствие предметов, явлений. Считают, что это и есть раскрытие мифопоэтического содержания лексической единицы: «Миф — источник некоторых представлений и образов, которые используются при изображении определенных ситуаций: Ни тьма, ни свет: сестры и брата волшебный брак... (Ив.) — миф, навеявший этот образ, лежит в основе стихотворения Иванова “День и ночь”» (Кожевникова 1986: 40). Как правило, в пушкинских текстах переносное употребление НР «дитя» реализуется в генетивных словосочетаниях: *дитя расчёта и отваги; забав и роскоши дитя; дитя свободы; сын пиров* (‘человек, являющийся порождением чего-н., отразивший в себе характерные свойства, черты чего-н.’); *дитё предрассуждений* (‘создание, порождение, следствие чего-н.’); *вольности дети, дети лени* (‘о людях, выросших, воспитанных в каких-н. условиях, среде, обстановке’), т. е. ключевая концептуальная цепочка включает такие связи: {[ЧЕЛОВЕК] ↔ [ОБСТОЯТЕЛЬСТВА] → [ДИТЯ обстоятельств]}.

По нашему мнению, внутренняя семантика НР «дитя» и «сын», употребляемых в переносном обобщенном значении, интересно проявила себя в таком контексте: *Прости, счастливый сын пиров, / Балованный дитя свободы! / Итак, от наших берегов, / От мёртвой области рабов, / Капральства, прихотей и моды / Ты скачешь в мирную Москву, / Где наслажденьям знают цену <...>.* В результате вербализирована концептуальная цепочка, где в причинно-следственных связях пребывают понятия «пир» и

«свобода» (от труда): {[ЧЕЛОВЕК] ↔ [ОБСТОЯТЕЛЬСТВА пир ↔ свобода] → [ДИТЯ — СЫН обстоятельств]}.

Подобным образом генетив отражает семантические трансформации «родственных отношений» в НР «сын»: сын — ‘потомок’, ‘уроженец определенной территории’ (2-е и 4-е знач., СЯП: III, 449) ({[ПРИРОДА] → [ПОТОМКИ (= сыны)]}, {[ОБЩЕСТВО] → [ПОТОМКИ (= сыны)]}): *Беспечный сын природы, / Пока золотые годы / В забвенье трачу я, / Со мною нерозлучно / Живи благополучно, / Наперсница моя [чернильница]; Слов несколько на языке родном, / Что некогда нашел привет унылый / **Сын севера**, бродя в краю чужом; И ныне ты к **сынам**, о царь наш, возвратился, / И край полуночи восторгом озарился! / <...> Суда летучие, торговлей окрыленные, / Кормами рассекут свободный океан, / И юные **сыны воинственных славян** / Спокойной праздности с досадой предадутся...*

Наиболее оригинальны, метафоричны сочетания НР «сын» и названий эмоций, психологических состояний, коллективных гуляний — *счастья, лени, пирования сын*. В таком случае та или иная эмоция, коллективное собрание как бы превалирует, абстракция существует как особое концептуальное образование, к которому может быть сопричастен тот или иной человек: *Бегут за днями дни / Без дружеских собраний; / Веселых **пирований** Веселые **сыны** / С тобой разлучены; / И шумные беседы / И долгие обеды / Не столь оживлены. <...> Содрога **счастья сын**, и брошенный судьбою, / Он землю русскую не взвидел пред собою. / Бежит... и мести гром слетел ему вослед; / И с трона гордый пал... и вновь восстал... и нет!; Под бурю glavой поник я томной / И ждал тебя, вещун пермесских дев, / И ты пришел, **сын лени вдохновенный**, / О Дельвиг мой: твой голос пробудил / Сердечный жар, так долго усыпленный, / И бодро я судьбу благословил. Подобные изменения в семантике НР «сын» наблюдаем в словосочетании *сын войны*: *Презренья хладного не снес он от жены / И гордо выступил, **суровый сын войны**, / На вызов роковых последних наслаждений, / Как прежде выступал на славный крик сражений*. Кстати, В. В. Виноградов отмечал, что фразеологические обороты, среди которых «сын угрюмой ночи», являются галлицизмами, от которых поэт стремился избавиться в своей стилистике и в ориентации на национализацию русского литературного языка (Виноградов 1978: 54).*

Единство НР «сын» и топонима не всегда образует словосочетание для обозначения потомков (4-е знач.: ‘Гражданин, уроженец какой-н. страны, государства’, СЯП: III, 470) ({[ЛОКАЦИЯ] : [ТОПОНИМ] → [ПОТОМКИ (= сыны)]}). Например, *сыны Бородина* — это герои, т. е. мужчины, ставшие после боя мужественными и смелыми людьми: *Увы! мне не судил таинственный предел / Сражаться за тебя под градом вражих*

стрел! / Сыны Бородина, о кульмские герои! / Я видел, как на брань летели наши строи; / Душой восторженной за братьями спешил. Мифологическое и историческое сходятся в таком употреблении, создавая масштабный персонафицированный образ воинов за судьбу России.

Словосочетание, в котором соединены НР «сын» и топоним, под влиянием ближайшего контекста приобретает функционально-семантические качества вторичной номинации растения, второстепенной водной артерии ({[ЛОКАЦИЯ] : [РАСТЕНИЕ (= сыны)]}; {[ЛОКАЦИЯ] : [ВОДНАЯ АРТЕРИЯ] → [ответвления (= сыны)]}): *На скифских берегах переселенец новый, / Сын юга, виноград блистает пурпуровый; Блеца средь полей широких, / Вон он льется!.. Здравствуй, Дон! / От сынов твоих далеких / Я привез тебе поклон.*

В пушкинский период активно переносное употребление НР «дочь»: 1) как женщины, выросшей в какой-то определенной обстановке, среде; 2) уроженцы какой-то местности (Словарь 2020: I, 722). Поэтический фразеологизм «земная дочь» употребляется в значении ‘вообще женщина’.

В поэтическом языке Пушкина актуально употребление НР «брат» во втором значении: 2. Единомышленник, друг, соотечественник (46) (Словарь 2000, I: 160), например: *Туманные сокрылись дни разлуки: / И брату вновь простерлись ваши руки, / Ваш резвый круг увидел снова я.* Средством интимизации отношений с друзьями, со сродными по деятельности людьми являются эпитеты *мой, милый*: *Помнишь ли, мой брат по чаще, / Как в отрадной тишине / Мы топили горе наше в чистом, пенистом вине?; В последний раз, в сени уединенья, / Моим стихам внимают наш пенат, / Лицейской жизни милый брат, / Делю с тобой последние мгновенья; О милый брат, какие звуки! / В слезах восторга внемлю им: / Небесным пением своим / Он усыпил земные муки.* В одном из контекстов субстантиват «милый» вытесняет *брат* во втором значении: *Но, милый, — музы наши сестры, / Итак, ты все же братец мой.* В данных контекстах прослеживаем реализацию концептуальной цепочки {[ЛЮДИ] : [СОВМЕСТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ] → [брат]}.

Поэт актуализирует глубинную семантику фразеологического сочетания «брат названный» ‘близкий’ (тот, кто побратался с кем-н., считается братом кому-н.) как средство оценки отношений с другом: *Мы рождены, мой брат названный* (А. А. Дельвиг. — Ж. М.), */ Под одинаковой звездой. / Киприда, Феб и Вакх румяный / Играли нашу судьбой.*

В СЯП отмечено фразеологическое употребление «друг и брат кому (о ком-н. очень близком)» (Словарь 2000: I, 160): *И все умрет со мной: надежды юных дней, / Священный сердца жар, к высокому стремление, /*

Воспоминание и брата, и друзей, / И мыслей творческих напрасное волнение, / И ты, и ты, любовь? В данном случае сема 'близость' объединяет два понятия, взаимно усиливая их значение.

Переносное употребление фиксируем в том случае, когда НР «брат» выполняет роль семантического ассоциата, т. е. указание на уподобление одной реалии другой такой же по своей природе: {[ЛОКАЦИЯ] : [ВОДНАЯ АРТЕРИЯ : МАТЬ] → [ответвления (= дети, братья)]}. Так поэт сравнивает реки: *Как прославленного брата, / Реки знают тихий Дон; / От Аракса и Ефрата / Я привез тебе поклон.* Подобным образом НР «мать» выполняет роль оценочного определения, указывая на то, что Волга — 'наша', 'родная': *Как промолвит грозен Стенька Разин: / «Ой ты гой еси, Волга, мать родная! / С глупых лет меня ты воспоила, / В долгу ночь баюкала, качала, / в волновую погоду выносила, / За меня ли молодца не дремала, / Казаков моих добром наделила».* У лирического героя, Стеньки Разина, волнение вод вызывает ассоциации с качанием колыбели матерью. Авторы СЯП указывают на то, что НР «мать» в таком употреблении выполняет роль народно-поэтического эпитета (Словарь 2000: II, 574), т. е. семантика «родство» почти стерта.

Сема 'материнство' пронизывает мифологическое представление о семействе творческих муз, в котором руководит всеми мать-муза Память (Мнемозина) ({[ПАМЯТЬ = МАТЬ] ↔ [девы-музы]}): *Резвая дева росла в хоре богинь-аонид, / Матери чуткой подобна, послушна памяти строгой, / Музам мила; на земле Рифмой зовется она.*

Как и в случае переносного употребления НР «брат», «сын», НР «сестра» является своеобразным семантическим проводником тех ситуаций, когда нужно подчеркнуть что-то близкое чему-н. по качеству, похожее на что-н. (Словарь 2000: IV, 118), например: *Но дружбою одною / Я ныне вдохновен. / Мой друг, я счастлив ею. / Почто ж ее сестрой, / Любовью младой / Напрасно пламенею?;* а также отметить, что лирического героя неизменно сопровождает что-н., ему постоянно что-то сопутствует: *Несчастью верная сестра, / Надежда в мрачном подземелье / Разбудит бодрость и веселье, / Придет желанная пора.* По нашему мнению, в таком употреблении прослеживаем реализацию концептуальной цепочки {[РЯДОМ] : [СЕСТРА]}.

Частота переносного употребления НР «сестра» породила фразеологические наименования, как то: *парнасские сестры* (о музах): *Перебирая всё, как новый Ювенал, / Ты о Поэзии со мною толковал; / А сам, поссорившись с Парнасскими сестрами, / Мне проповедовать пришел сюда сти-*

хами; *Фебовы сестрицы* (шутливо о музах): *Далече той станицы, / Где Фебовы сестрицы / Мне с негой вьют досуг, / Скажи — среди столицы / Чем занят ты, мой друг?*

Как подтверждает творчество А. С. Пушкина, русский литературный язык имел в своем багаже и переносное употребление обобщающего названия «семья» (Словарь 2000: IV, 105). Во многих контекстах отмечаем реализацию значения ‘люди, сплоченные общностью интересов’: *Он верил, — Что есть избранные судьбами, / Людей священные друзья; / Что их бессмертная семья* Неотразимыми лучами, / *Когда-нибудь, нас озарит / И мир блаженством одарит; Под вечер иногда сходилась / Соседей добрая семья, / Нецеремонные друзья, / И потужить и позлословить / И посмеяться кой о чем; И, признаюсь, мне во сто крат милее / Младых повес счастливая семья, / Где ум кипит, где в мыслях волен я, / Где спор вслух, где чувствую живее, / И где мы все — прекрасного друзья; Жизнью молодую / Не долго наслаждаться ей; / Не долго радовать собою / Счастливый круг семьи своей, / Беспечной, милой остротою / Беседы наши оживлять / И тихой, ясною душою / Страдальца душу улаживать; В кругу семей, в пирах счастливых / Я гость унылый и чужой, / Вдали друзей вольнолюбивых / Теснимый хладною толпой.* Как видим, микроконцепт «семья» в поэтических строках вербализируется в позитивном семантическом ореоле ({[ДРУЖБА, СЧАСТЬЕ] : [СЕМЬЯ]}).

4. Заключение

Субконцепт «великая семья» = ‘семья народов’ не случаен в поэтическом контексте Пушкина. *Нередко Он говорил о временах грядущих, Когда народы, распри позабыв, / В великую семью соединятся,* ср. концептуальную цепочку {[ДРУЖБА НАРОДОВ] : [СЕМЬЯ]}. Выделенный субконцепт в творчестве А. С. Пушкина не случаен: в осмыслении проблемы идентичности в русской философской и общественно-политической мысли XIX века существенное значение имела знаменитая формула графа С. С. Уварова: «православие, самодержавие, народность». Сама формула должна была подчеркнуть национально-культурные особенности России. Необходимо было, по словам автора, «найти начала, составляющие отличительный характер России и ей исключительно принадлежащие». Таким образом, термин «народность» придал традиционному православию и самодержавию новое звучание, ориентированное на поиск национального начала (Алехина 2010: 40). Стоит отметить, что в пушкинские времена Россия как раз вступила в период бурного формирования национального самосознания (Широкова 2018: 30). И хотя не стоит проводить прямых параллелей между поэтиче-

ским словоупотреблением, явлениями стилистическими, языковыми вообще и общественно-культурными, но анализ прямого и переносного употребления НР разъясняет и описывает многие стилистические особенности художественного словоупотребления, характеризующие творческий метод А. С. Пушкина, его поэтическую манеру, его стиль в контексте фактов общенационального литературного русского языка, его словарного состава, нашедшие отражение в поэтических произведениях писателя.

Проанализированный материал отражает движение социокультурной семантики НР от устного народного к литературному поэтическому индивидуально-авторскому употреблению (подтверждением этому являются и стилистические пометы возле некоторых словесных форм). Проведенное исследование доказывает, что в стиле А. С. Пушкина произошло слияние всех жизнеспособных словарных элементов русского литературного языка предшествующей эпохи с общенародными формами разговорной речи и со стилями устной народной словесности, фольклора, а также актуальность в пушкинскую эпоху переносных употреблений НР, которые вошли и в словарь современного русского литературного языка, что подтверждают и смоделированные концептуальные цепочки.

Список литературы / References

- Алехина С.* Проблема идентичности в русской философии XIX — начала XX вв. // *Власть*. 2010. № 3. С. 39–43. [Alehina, Svetlana. (2010) Problema identichnosti v russkoj filosofii XIX — nachala XX vv. (Identity Problem in the Russian Philosophy in the 19th — at the Beginning of 20th Century). *Vlast'*, 3, 39–43. (In Russian)].
- Виноградов В. В.* Избранные труды. История русского литературного языка. М.: Наука, 1978. [Vinogradov, Viktor V. (1978) *Izbranny'e trudy'. Istorija russkogo literaturnogo yazy'ka* (Selected Works. The History of the Russian Literary Language). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Виноградов В. В.* Язык Пушкина. М.–Л.: Academia, 1935. [Vinogradov, Viktor V. (1935) *Yazy'k Pushkina* (Pushkin's Language). Moscow – Leningrad: Academia. (In Russian)].
- Винокур Г. О.* Пушкин и русский язык // Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959. С. 189–206. [Vinokur, Grigorij O. (1959) Pushkin i russkij yazy'k (Pushkin and Russian). In *Izbranny'e raboty' po russkomu yazy'ku* (Selected Works on Russian Language). Moscow: Uchpedgiz, 189–206. (In Russian)].
- Гофман В. А.* Язык Пушкина. М.: Учпедгиз, 1935. [Gofman, Viktor A. (1935) *Yazy'k Pushkina*. (Pushkin's Language). Moscow: Uchpedgiz. (In Russian)].
- Даниленко В. П.* Лингвокультурологические воззрения А. С. Пушкина // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Серия: Филология. 2010. № 4. С. 58–63. [Danilenko, Valerij P. (2010) Lingvokul'turologicheskie vozzreniya A. S. Pushkina (Linguistic and Cultural Views of A. S. Pushkin). *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Serija: Filologija*, 4, 58–63. (In Russian)].

- Кожевникова Н. А.* Словоупотребление в русской поэзии начала XX века. М.: Наука, 1986. [Kozhevnikova, Natal'ya A. (1986) *Slovouputreblenie v russkoj poe`zii nachala XX veka* (Word Usage in Russian Poetry at the Beginning of 20th Century). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Лотман Ю. М.* В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. Пушкин. Этапы творчества [Электронный ресурс]. URL: <http://pushkin-lit.ru/pushkin/articles/lotman-v-shkole-poeticheskogo-slova/etapy-tvorchestva.htm> (дата обращения: 11.09.2019). [Lotman, Yuriy M. (2019, September 11) *V shkole poe`ticheskogo slova. Pushkin. Lermontov. Gogol'. Pushkin. Etapy tvorchestva* (In the School of Poetry. Pushkin. Lermontov. Gogol. Pushkin. Stages of Creativity). Retrieved from <http://pushkin-lit.ru/pushkin/articles/lotman-v-shkole-poeticheskogo-slova/etapy-tvorchestva.htm>. (In Russian)].
- Лю Ю.* Язык Пушкина и русский литературный язык // Chronos: общественные науки. 2021. № 3 (23). С. 23–27. [Lyu, Yuqin (2021) *Yazy`k Pushkina i russkij literaturny`j yazy`k* (Pushkin's Language and Literary Language). *Chronos: social science*, 3, 23–27. (In Russian)].
- Соловьева Е. В.* Обращение и номинация лица в художественной прозе А. С. Пушкина // Вестник Казанского государственного технического университета им. А. Н. Туполева. 2006. № 4. С. 71–72. [Solov'yova, Ekaterina V. (2006) *Obrashhenie i nominaciya licza v xudozhestvennoj proze A. S. Pushkina* (Form Of Address And Nomination In The Imaginative Works Of A. S. Pushkin). *Vestnik KGTU im. A. N. Tupoleva*, 4, 71–72. (In Russian)].
- Широкова М. А.* Творчество А. С. Пушкина как выражение синтеза языковых и культурных систем России и Европы // Филология и человек. 2018. № 4. С. 23–36. [Shirokova, Marina A. (2018) *Tvorchestvo A. S. Pushkina kak vy`razhenie sinteza yazykovy`x i kul`turny`x sistem Rossii i Evropy`* (A.S. Pushkin Writing as an Expression of Synthesis of Linguistic and Cultural Peculiarities of Russia and Europe). *Philology & Human*, 4, 23–36. (In Russian)]. DOI: 10.14258/filichel(2018)4-02.

Источник языкового материала / Language material resources

- СЯП — Словарь языка Пушкина: в 4-х т. / Отв. ред. акад. АН СССР В. В. Виноградов. М.: «Азбуковник», 2000. [Vinogradov, Viktor V. (2000) *Slovar' yazy`ka Pushkina v 4-x t.* (Pushkin's Language Dictionary of 4 Volumes). Moscow: Azbukovnik (In Russian)].
- Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: В 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1979. Т. 1–4. [Pushkin, Aleksandr S. (1977–1979) *Polnoe sobranie sochinenij: V 10 t.* (Complete Collection of Works of 10 Volumes), Vol. 1–4, AN SSSR. In-t rus. lit. (Pushkin. dom). Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie. (In Russian)].
- ПСП — *Меньшиков И. И., Мордань В. И., Подмогильная Н. В.* Поэтическое слово Пушкина. Словарь. Днепропетровск: Січ, 1999. [Men'shikov, Igor' I., Mordan', Vasilij I., & Podmogil'naya, Nataliya V. (1999) *Poe`ticheskoe slovo Pushkina. Slovar'* (Pushkin's Poetic Word. Dictionary). Dnepropetrovsk: Sich. (In Russian)].